И.И. ОРЛОВ

Доктор искусствоведения, профессор Липецкого государственного технического университета, член-корреспондент РАЕ, «Doctor of Science, Honoris Causa» IANH (Unated Kingdom — London), член творческого Союза дизайнеров РФ
e-mail: igorlov64@mail.ru, kaf-tx@stu.lipetsk.ru

I.I. ORLOV

Doctor of art, professor of Lipetsk State Technical University, member of International Academy of Natural History (Unated Kingdom — London), Doctor of Science, Honoris Causa, the member of the creative Union of designers of the Russian Federation
e-mail: igorlov64@mail.ru, kaf-tx@stu.lipetsk.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОРФОЛОГИИ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ ВОИНА И СРЕДСТВ ФОРТИФИКАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В XVI–XVII ВВ.

TRANSFORMATION OF THE MORPHOLOGY OF THE PROTECTIVE ARMS OF A SOLDIER AND THE MEANS OF FORTIFICATION INFLUENCED THE IMPROVEMENT OF FIREARMS IN THE XVI–XVII CENTURIES

Статья посвящена морфологии защитного вооружения воина и средств фортификации под влиянием совершенствования огнестрельного оружия в XVI–XVII вв. В качестве примера берется развитие системы фортификации сельских укрепленных церквей региона Тьераш, расположенного на территории двух современных департаментов Франции: Эна (Aisne) и Арденны (Ardennes).

Article is devoted to morphology of protective arms of the soldier and means of fortification under the influence of improvement of firearms in the XVI–XVII centuries. As an example development of system of fortification of the rural strengthened churches of the region Tyerash located in the territory of two modern departments of France undertakes: Ena (Aisne) and Ardennes (Ardennes).

Ключевые слова: рыцарь, огнестрельное оружие, максимилиановский доспех, укрепленные церкви, Эна, Арденны, итальянские войны, фортификация, культовые сооружения.
Keywords: the knight, firearms, a maksimilianovsky armor, the strengthened churches, Ena, Ardennes, the Italian wars, fortification, cult constructions.

Проблема «содержания и формы» всегда являлась одной из главных, если не главной проблемой любой проектной деятельности. Насколько идейно-художественная концепция эпохи в целом и отдельного автора в частности способна воплотиться в конкретную форму или объект, настолько последний может демонстрировать степень художественного и технического развития общества. Эта проблем встает тем острее, чем более серьезным трансформациям подвергается социум на т.н. «переломных моментах» исторического развития, поскольку именно в такие периоды весьма часто меняется не только технологическая или религиозно-философская составляющая, но и художественно-эстетическая парадигма общества. Наиболее ярко подобные процессы можно фиксировать в области развития морфологии вооружений и фортификации, поскольку последние, увы, являются зачастую наиболее востребованными в определенные эпохи развития.

Готический стиль в фортификационной архитектуре и в военной эстетике и формообразовании защитного снаряжения индивидуального бойца сохранялся вплоть до начала XVI столетия, однако уже в последние десятилетия XV века, начинает активно формироваться новая морфология, для формообразования которой становиться характерна явная округлость и ширина (т.н. «максимилиановский доспех»), резко контрастирующие с угловатыми, заостренно-вытянутыми формами готического доспеха [1, с. 197]. По все видимости, такая форма доспехов возникла, благодаря морфологическому синтезу итальянских и германских защитных элементов. Такое взаимопроникновение стало возможным, видимо, благодаря длительным военным кампаниям т.н. «Итальянских войн» (1494–1559) между французским королевством и испано-германской империей. Именно в это период, вследствие стремительного развития огнестрельного оружия, возникает вопрос о целесообразности полного доспеха, хотя именно XVI век отличается наибольшей роскошью в их отделке (богатая гравировка, чеканка, чернение,

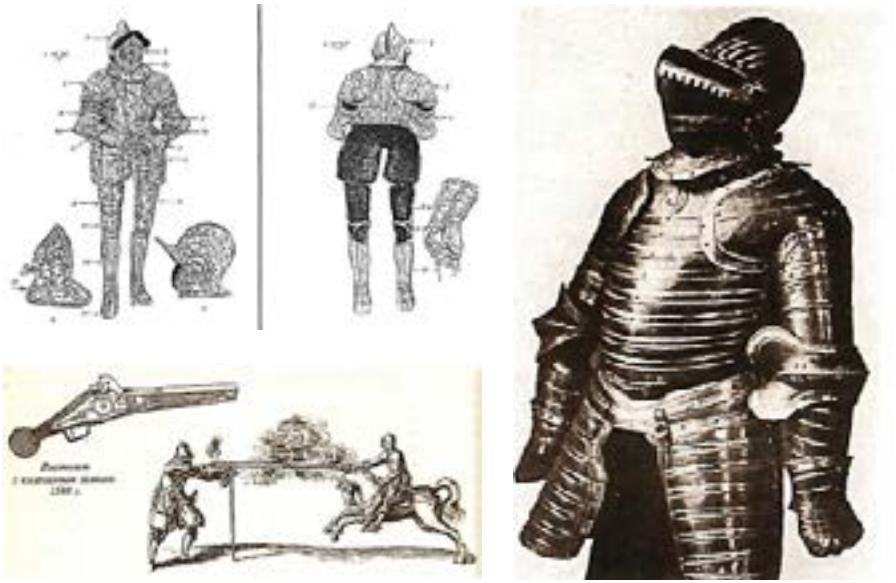

Рисунок 1. «Максимилиановский доспех», принадлежащий Генриху Герберту, второму герцогу Пемброку, кон. XVI в. (1 — шлем «бургиньот»; 2 — буфф или бувигер с 2а — воротником; 3 — нагрудник; 4 — набрюшник; 5 — наплечник; 6 — наруч; 6а — налокотник; 7 — перчатка; 8 — набедренник; 9 — наколенник; 10 — наголенник; 11 — сабатон; А — бургиньот; Б — буфф)
Рисунок 2. Поединок мушкетера и рыцаря «жандарма», XVI в.
Рисунок 3. Легкий доспех, 1560 г. Шлем типа «армэ» (Музей армии, Париж)

отделка золотом и пр.). Дело в том, что уже в первой четверти XVI века перед европейскими оружейниками остро встала проблема создания доспеха, способного противостоять огнестрельному оружию, которое постоянно совершенствовалось.

Мастера стараются изготавливать полные доспехи, способные ослабить или вовсе погасить пробивную силу выстрела из аркебузы, мушкета или пистолета. Доспехи проходили специальные испытания, в ходе которых они должны были выдержать прямое попадание.

Если латный доспех не пробивался пулей, его именовали «добрым» (*bonne et suffisante* — франц.). В случае, если доспехи не проходили подобные испытания и пуля пробивала латы, их именовали «легкими» (*a le legere* — франц.) [1, с. 200].

Рыцари (жандармы — фр.) и тяжелая кавалерия (кирасиры) первоначально еще пользовались закрытыми шлемами типа «армэ», с кру-

глым куполом и заостренным готическим забралом «птичий клюв», который позволял голове воина свободно вращаться вправо и влево, но не позволял голове наклоняться вперед и назад. Но уже к середине XVI века этот тип шлема используется только для рыцарских турниров, в которых подобный недостаток не являлся серьезной проблемой. К 1510 г. простой выступ на куполе шлема, идущий от лба к затылку, превращается в стальной чеканный гребень, на передней части шлема крепился наглобник, а смотровая щель обычно вырезалась в самом забрале.

Рисунок 4. Кирасир, 1620 г. Шлем типа «армэ» (акварель Ван Эйка)

Рисунок 5. Шлем бургиньот (ранняя форма)

Во второй четверти XVI столетия забрало состоит уже из двух частей: верхней, снабженной смотровой щелью, и нижней — «бувигера» (имеющего вентиляционные отверстия). Обе части забрала в шлеме соединялись между собой пружинными штифтами, зафиксированными над ушами. Таким образом, закрытый шлем готического типа быстро совершенствуется под влиянием новых условий ведения боя, постепенно трансформируясь в шлем типа «бургиньот», который впервые встречается в 1505 году.

Бургиньот представлял собой усовершенствованный т.н. «псевдоантичный» шлем и при добавлении к нему «бувигера» уже не уступал закрытому шлему по своим защитным свойствам, будучи проще и удобнее для ношения тяжеловооруженными всадниками (кирасиры). Ввиду своих функциональных свойств, вскоре бургиньот завоевал популярность среди знати и даже стал применяться среди пехотных офицеров, алебардщиков и пикинеров [1, с. 202]. Примерно к 1540 г. в качестве защитного вооружения солдат появляется шлем «морион». Под влиянием новой тактики меняются и прочие части защитного вооружения и прежде всего — основной элемент защиты корпуса — кираса. Появление в XVI столетии

более мощного и дальнобойного огнестрельного оружия — аркебузы и мушкета — вызвало первоначально резкое усиление доспехов, путем увеличения толщины металла.

Однако впоследствии воины и оружейники поняли, что общее увеличение веса полного доспеха неразумно, поэтому стали усиливать наиболее жизненно важные части: личину шлема, нагрудник, наплечники и набедренники. Обычно под доспех надевали т.н. «поддоспешники», в XV веке на смену «гобиссонам» и «актонам» приходят стеганные кожаные куртки «дублеты», к которым под мышками крепились кольчужные вставки или металлические пластины, что несколько облегчало общий вес полного защитного вооружения [1, с. 203]. Налокотники у всадников тяжелой кавалерии в этот период окружают наручи наподобие браслета, что почти не сковывает свободное движение руки во время боя.

Рисунок 6. А — «испанский морион», 1580 г; Б — бургиньот, 1570 г; морион с гребнем, 1565 г.
Рисунок 7. Доспехи рыцаря (жандарма), XV–XVI вв.

В период перехода от «готического» доспеха к «максимилиановским» формам весьма важным нововведением становиться латный воротник, который принимает на себя основной вес доспеха, наплечников и наручей. Где-то в 1540-х годах кираса удлиняется, причем линия ее талии спереди опускается вниз и вперед.

Что касается защитного вооружения пехоты, то именно в этот период отчетливо различаются три категории, каждая из которых экипирована по- своему. Появление нового типа огнестрельного оружия — мушкетов — позволило добавить к уже существующим подразделениям

Рисунок 8. Офицер испанской пехоты, 1560 г., аркебузир, 1610 г., пикинер, 1630 г.

пикинеров и аркебузиров еще и отдельные части мушкетеров. Названия этих пехотинцев являлись производными от того типа оружия, которыми они сражались. Пикинеры и алебрдщики в качестве защитного вооружения носили бригандины, кольчуги или легкие доспехи с кольчужными рукавами и шлемы типа «бургиньот», «салад» или «морион». Офицеры (лейтенанты и капитаны) были облачены в легкие доспехи, имели маленький легкий щит и вооружены мечом, кинжалом, пистолетом и протазаном [1, с. 206].

Интересно отметить тот факт, что процессы формообразования защитного вооружения воина, помимо всего прочего, происходили на фоне смены парадигмы общеевропейских идейно-художественных процессов. Религиозно-философские идеи Ренессанса, с его явно гуманистическими ценностями и тягой ко всему «античному», оказывали свое влияние и на все прочие сферы культурно-художественного и в том числе военного процессов. Видимо, по этой причине аналогичные «метаморфорзы» мы можем наблюдать и в развитии фортификации этого периода времени. В процессе проектирования и возведения укреплений городов или замков постепенно происходит отказ от сплошных «готических» форм в виде стен из каменных блоков, снабженных деревянны-

ми или каменными навесными боевыми галереями (машикули). Вместо этого акцент переносится на защиту отдельных, наиболее уязвимых, мест путем строительства более низких и более толстых двойных стен из лекального кирпича, с внутренней забутовкой землей. Вместо высоких башен-донжонов архитекторы стараются сооружать башни-форты для размещения в них артиллерии и поэтому снабженные многочисленными бойницами-амбразурами. Практически исчезают сложные угловатые соединения высоких и прямых стен и башен ввиду того, что такое соединение менее прочно к воздействию артиллерии, поскольку имеет внутреннее напряжение. Теперь архитекторы стараются максимально закруглить фортификационные формы, придавая стенам и башням-фортам определенный наклон для возможности рикошета.

Наглядный пример таких подходов являют нам укрепленные церкви «eglises fortifiees» региона Тьераш, расположенные на территории двух современных департаментов Эна (Aisne) и Арденны (Ardennes). Хронологическая датировка многочисленных архитектурных памятников той эпохи исчерпывающе доказывает, что церкви-крепости Тьераша были воздвигнуты во время длительных европейских войн XVI и XVII веков, от эпохи Франциска I до эпохи Людовика XIV. Сложение подобного архитектурного феномена связано с тем, что пограничная область Тьераш регулярно оказывалась в центре ожесточенных военных конфликтов, которые почти непрерывно вспыхивали с 1515 по 1715 г. [3, с. 174]. Характерной особенностью всех укрепленных церквей является наличие мощных неприступных стен и колокольни в виде форта-донжона, часто окруженного несколькими угловыми башнями. Толща стен церквей прорезана бойницами-амбразурами, позволяющими вести огонь из огнестрельного оружия. Среди «eglises fortifies» той эпохи можно выделить три основных типа фортификационных решения: 1) полное сохранение здания старинной церкви (романской или готической) и возведение вокруг него некоторых фортификационных элементов (выступающей навесной бойницы-машикули, деревянной боевой галереи, угловых сторожевых башен (эркеров-бартизанов), бойниц) и сейфового зала наверху: Ренваль (Renneval), Морни-ан-Тьераш (Morgny-en-Thierache); 2) частичное сохранение старинной церкви (романской или готической) и строительство на ее базе нового корпуса укрепленного здания (типа — форт): Прис (Prisces), Бюрель (Burelles); 3) строительство абсолютно новой укрепленной церкви, задуманной целиком как смешанное здание, фор-

Рисунок 9. Укрепленные церкви в в Эне (l'Aisne) и Бюрель (Burelles)

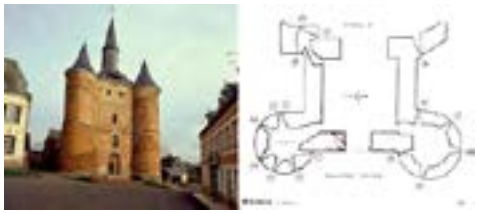

Рисунок 10. Укрепленная церковь в Пломьон (Plomion) и ее система амбразур

тификационно-религиозного назначения, настоящее «eglise fortifiee»: Пломьон (Plomion), Англанкур (Englancourt) [4, с. 136].

Каждое из этих решений соответствовало отдельной конкретной ситуации, но можно выделить некоторые общие тенденции. Защита флангов путем ведения фланкирующего огня по нападавшим становилась возможной, прежде всего, благодаря строительству угловых сторожевых башен (бартизанов) на вершине контрфорсов всего церковного здания. Доступ к таким угловым сторожевым башням и навесным бойницам (амбразурам), в основном, осуществлялся через крышу церкви над сводами и перекрытиями потолка. Иногда крыши здания приподнимали таким образом, что получалась настоящий замкнутый «сейфовый зал». Самые большие окна верхнего регистра, возвышающиеся над выступающими навесными бойницами, образовывали своеобразные боевые галереи-проходы позади хоров здания, например, в апсиде церкви Монкорне (Montcornet) [4, с. 134].

Углубленное изучение форта-церкви Бюреля показало комплексную и логичную оборонительную систему, в которой форты-башни, бартизаны, амбразуры соответствуют правилам, свойственным военному оборонительному сооружению. Десятки амбразур-бойниц, расположенных на всех уровнях здания, являются и наблюдательными постами, и огневыми точками, обеспечивающими наблюдение горизонта и соседних церквей, дорог, ведущих к деревне, и их перекрестков, окрестностей церкви. Прочие укрепления, выступающая навесная бойница и просто бойницы прикрывают фронтальным настильным и навесным, перекрестным огнем ворота и окна церкви. Такая система укреплений — не единственная, поскольку подобные фортификационные системы встречаются и в большинстве укрепленных церквей Тьераша.

Например, в 1977–1978 гг. GRAT (Группа археологических изысканий Тьераша) провела обследование 42 бойниц донжона укреплен-

ной церкви Пломьона. Амбразуры распределенных на десяти основных линиях обороны: 3 уровня южной башенки с караульным помещением, лестница северной башенки, в маленькой «комнате-сейфе», устроенной в толще северо-западного контрфорса, и 2 уровня бойниц для защиты флангов в основании донжона. Сравнительный анализ форм бойниц в Пломьоне и в Бюреле выявил типологическое разнообразие бойниц-амбразур в их явной связи с функциями постов наблюдения и ведения огня из легкого огнестрельного оружия (аркебуз, мушкетов и пистолетов). Специализация форм бойниц каждого уровня южной башни противоположна разнообразию амбразур лестничной башни. Также можно отметить, что бойницы, прикрывающие фланги, рассчитаны на ведение навесного огня с короткой дистанции. Бойницы, расположенные на высоте человеческого роста у подножья башенки и донжона, обладают самыми слабыми высотными отметками, скатами брустверa и прикрытиями, но эти параметры увеличиваются по мере продвижения по башне дальше и вверх. Угол наклона направления стрельбы также тесно связан с положением бойниц-амбразур в здании, т.е. с потребностями вести наблюдение и удобством стрельбы. Следы от многочисленных пуль вокруг отверстий бойниц и внутри амбразур, на скатах брустверов и на упорах свидетельствуют о нападениях, которым подвергалась церковь в процессе военных оккупаций местности иностранными войсками, что подтверждается записями в архивах [5, с. 60].

На основании изложенного в статье материала можно с большой степенью вероятности предположить следующее.

1. Развитие морфологии защитного вооружения как результат, прежде всего, особой проектной деятельности зависит не только от развития или совершенствования техники и технологий, но и от сложения общего религиозно-культурного фона эпохи. В свою очередь, этот культурно-исторический фон неизбежно оказывает влияние на развития идейно-художественных программ формообразования данной эпохи вообще и защитного вооружения в частности.

2. Вследствие исторических условий развития огнестрельного оружия, в эпоху почти постоянных войн с 1515 по 1715 г. на границе Пикардии и Шампани возникла острая необходимость специально укреплять культовые христианские сооружения (хранители реликвий и ценностей), которые таким образом становились опорными фортификационными пунктами в общей системе обороны северных границ Франции.

В силу своей особой значимости укрепленные церкви «eglises fortifiees» этого региона имеют мощную динамику к дальнейшему совершенствованию архитектурно-фортификационных схем. Эта динамика сохраняет тенденции как в плане фортификации, так и в плане композиционно-иконографических схем развития типологии «eglises fortifiees» региона [6].

Примечания:

1. *Келли Ф., Швабе Р.* История костюма и доспехов. От крестоносцев до придворных щеголей / пер. с англ. Т.Е.Любовской. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 216 с.

2. *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Средневековье. Новое время / пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003. 632 с.: ил.

3. *Манфред А.З.* История Франции в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1972. 357 с.

4. *Орлов И.И.* Фортификационные особенности сложения укрепленных церквей на Севере Франции в XVI–XVII вв. [Статья] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (88). С. 132–136.

5. *Meuret J.-P.* Guide des eglises fortifiees de la Thierache. VERVINS, 1988. 64 p.

6. *Meuret J.-P.* Les eglises fortifies de la Thierache. VERVINS, 1976. 63 p.